

А.В. Карташев

**Реформа, реформация и
исполнение церкви**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 291
ББК 86.3
А11

A11 **А.В. Карташев**
Реформа, реформация и исполнение церкви / А.В. Карташев – М.: Книга
по Требованию, 2023. – 65 с.

ISBN 978-5-458-56110-5

ISBN 978-5-458-56110-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

РЕФОРМА, РЕФОРМАЦІЯ И ИСПОЛНЕНІЕ ЦЕРКВИ.

I.

Мнѣ всегда казалось характернымъ то явленіе, что реформой русской церкви, въ точномъ, техническомъ смыслѣ этого слова, особенно живо и горячо интересуются люди или безрелигіозные (по мотивамъ общественно-либеральнымъ), или того религіознаго типа, который религію принимаетъ, какъ нѣчто позитивно-данное, какъ нѣчто не подлежащее никакому творческому переживанію и интересное лишь съ точки зрѣнія практической организаціи церковной жизни на лучшихъ началахъ. Къ этому типу относится бытовое большинство, заполняющее собою ограду Церкви, составляющее религіозное стадо. Настоящихъ мистиковъ Церкви мало интересуетъ то, что называется церковной реформой. Такіе носители церковной мистики, какъ Теофанъ, епископъ Полтавскій, или ея теоретики, какъ профессоръ-священникъ П. А. Флоренскій этими вопросами

не интересуются. Имъ важны глубины догмы и культа, до которыхъ не дохватываютъ мелкія мѣрки церковнаго устройства или благоустройства. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь ничего религіознаго нѣтъ въ томъ, чтобы организовать приходъ на началахъ юридическаго лица, въ томъ, чтобы реформировать консисторію и бракоразводный процессъ, чтобы реорганизовать Синодъ, урегулировать положеніе оберъ-прокурора, учредить патріаршество, снять государственнѣйшій запретъ съ функціи соборности. Это вещи, о которыхъ говорятъ въ Государственной Думѣ политики, иногда вовсе безрелигіозные. Что реформа Церкви дѣло не религіозное, что къ ней надо приступать не наивнымъ церковнымъ обывателямъ, а людямъ политически прозрѣвшимъ, это и было показано въ докладѣ протоіерея А. К. Аггеева, очень кратко, бьющемъ только въ эту точку. Эта же точка зрѣнія была развита и въ докладѣ Д. В. Философова. Что такой подходъ къ вопросу церковной реформы былъ достаточно продуманнымъ и вѣрнымъ, показало послѣднее обсужденіе смѣты Синода въ Государственной Думѣ. Наконецъ-то и присяжные думскіе церковные политики открыли всѣмъ извѣстную Америку, дошли послѣ долгихъ блужданій въ потемкахъ эпохи Столыпина и Саблера до сознанія той истины, которую Д. В. Философовъ систематически, чуть не десять лѣтъ, проводилъ въ ежегодникахъ «Рѣчи» по церковному вопросу и которую онъ изложилъ въ своемъ докладѣ. Тезисъ о необходимости усиленія власти оберъ-прокурора, такъ странно для нѣкоторыхъ звучавшій въ докладѣ Д. В. Философова, рѣшительно былъ на этотъ разъ выдвинутъ въ Думѣ націоналистомъ В. Н. Львовымъ. До сихъ поръ думскіе церковники считали своимъ долгомъ руководиться двумя директивами: протестовать, во-первыхъ, противъ оберъ-прокурорскаго засилія и, во-вто-

рыхъ, прогивъ посягательствъ Думы на внутреннія церковныя дѣла, какъ священныя и неприкосновенныя. Но драматическій эпизодъ Самаринской оберъ-прокуратуры видимо заставилъ прозрѣть даже слѣпцовъ. Депутаты Львовъ и Шейнъ заговорили, что власть Синода за 200 лѣтъ сведена къ нулю усиліями оберъ-прокуроровъ, а послѣ 1905 года свелась къ нулю и власть самихъ оберъ-прокуроровъ: такимъ образомъ церковная власть во всѣхъ видахъ исчезла. и теперь нужно заняться ея возстановленіемъ. Нужно Думѣ посодѣйствовать усиленію политической позиціи оберъ-прокурора, чтобы онъ занималъ политически опредѣленное мѣсто и велъ государственную линію въ дѣлахъ церковныхъ, а не былъ бы какой-то странной амфибіей, которая выступаетъ въ государствѣ отъ лица Церкви, а въ Церкви отъ лица государства. Какъ будто въ первый разъ проснувшись и увидѣвъ воочию всю мѣру презрѣнія къ свободѣ Церкви извѣстныхъ безотвѣтственныхъ силъ, думскіе церковники наконецъ-то закричали о томъ же самомъ, о чемъ говорилъ и протоіерей К. М. Аггеевъ у насъ полгода тому назадъ. «Если общая свобода дастъ свободу и Церкви, то да будетъ благословенъ ея приходъ»,—заклучилъ свою парламентскую рѣчь правый политикъ—В. Н. Львовъ. Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ дѣйствительность совершенно оправдала практичность и цѣлесообразность провозглашенной на нашихъ засѣданіяхъ точки зрѣнія на церковную реформу, какъ неотдѣлимую часть общей политической реформы. Если же нашъ взглядъ на дѣло вѣренъ, то понятнымъ должно стать и то обстоятельство, что мы не пускаемся въ детальное разсмотрѣніе частныхъ самой церковной реформы. Она намъ рисуется въ первой стадіи вопросомъ политическимъ, а не религиознымъ.

Правда, и эти мелочные вопросы (о консисторіяхъ, оберъ-прокурорѣ и т. д.), которые мы оставляемъ въ сторонѣ, не совсѣмъ для насъ безразличны, потому что они относятся къ Церкви—явленію для насъ единственному по важности, какъ бы ни было несовершенно ея воплощеніе въ исторіи, какая бы уродливая кора ее ни покрывала. Внѣшнее состояніе Церкви не можетъ насъ совершенно не задѣвать и потому еще, что реформа Церкви должна создать новыя условія для религіозной жизни большинства русскаго народа, крещеннаго въ православіе и живущаго въ немъ. Очевидно, не интересоваться совсѣмъ судьбами русской церкви значитъ не интересоваться религіозной судьбой русскаго народа. Нельзя презирать ту форму, въ которой живетъ идея. Такимъ образомъ мы утверждаемъ этотъ косвенный интересъ къ внѣшнимъ, полуполитическимъ вопросамъ церковной реформы, эту косвенную связь ихъ съ настоящимъ религіознымъ вопросомъ. Съ этой стороны въ нашемъ положеніи есть аналогія съ положеніемъ социалистовъ. Какъ бы социалисты ни считали свою позицію за предѣльной, не соприкасающейся съ настоящей буржуазной дѣйствительностью, тѣмъ не менѣе и они интересуются рабочимъ законодательствомъ, производимымъ руками буржуазныхъ партій. Въ этомъ смыслѣ и новое церковно-практическое законодательство для насъ интересно, какъ усовершенствованіе внѣшней организаціи, подводящее религіозныя массы ближе къ новымъ условіямъ жизни, болѣе свободнымъ, живымъ и творческимъ.

Въ переустроенной русской церкви, конечно, будетъ меньше поводовъ для народа соблазняться ея недостатками и разбѣгаться по сектамъ, гдѣ его религіозная энергія гибнетъ безъ плода, теряется, какъ вода въ песокъ. Мы хотимъ, чтобы религіозная энергія народа вкладывалась въ

жизнь самой Церкви, и чтобы Церковь, русская православная, на опытѣ показала всю мѣру своихъ силъ: что она можетъ дать и чего, при лучшихъ условіяхъ,—не можетъ. Теперь она передъ лицомъ религіозныхъ запросовъ безотвѣтна; теперь намъ говорятъ: «что же вы жалуетесь? Церковь по рукамъ и по ногамъ связана, и уста ея запечатаны». Для насъ важно, чтобы уста ея были распечатаны, и ноги и руки развязаны. Лишь тогда будетъ ясно, каковъ ея религіозный предѣлъ. И если народная религіозная масса въ освобожденной, реформированной Церкви будетъ двигаться и даже выходить за ограду Церкви, то и плоды ея уклоненій будутъ пными, чѣмъ теперь. Не соблазняясь крайними уродствами Церкви и не отрекаясь изъ за нихъ отъ основныхъ церковныхъ устоевъ, масса, если и будетъ создавать расколы и секты, то болѣе высшаго, близкаго къ Церкви, а не низшаго, элементарнаго типа, какъ сейчасъ. Это будетъ важно для вселенскаго католическаго опыта.

Интересуясь вопросомъ реформы Церкви не съ бытовой, практической и не съ политической, а съ религіозной точки зрѣнія, мы должны устранить тѣ подходы къ этому вопросу, о которыхъ иногда приходится слышать и о которыхъ мы слышали въ нашей средѣ. Припоминаю замѣчанія Л. М. Добронравова. Онъ говорилъ, что намъ слѣдуетъ относиться къ этому вопросу съ принципиальнымъ безразличіемъ. «Какъ относится Церковь къ Государству? Что это за вопросъ для христіанина? Я вѣрю во Христа, и мнѣ все равно, какъ они относятся другъ къ другу, все равно по католической, по протестантской или по православной схемѣ,—вся эта схема вѣхристіанская. Ибо ни въ папѣ, ни въ Синодѣ, ни въ патріаршествѣ нѣтъ ничего христіанскаго. Для меня одинаково отвратителенъ и тотъ священникъ, который присутствуетъ при смертной казни, и тотъ,

который ведетъ въ атаку роту. Всѣ эти формы взаимно-отношеній одинаково ненормальныя и всѣ нехристіанскія». Разумѣется, это точка зрѣнія абсолютной безцерковности, т. е. абсолютнаго невѣдѣнія того факта и принципа, который мы считаемъ незыблемымъ. Я не буду сейчасъ опровергать ее детально, такъ какъ ниже противопоставлю ей въ цѣломъ совершенно иное воззрѣніе. Этотъ голосъ псевдохристіанскаго индивидуализма религіозно, метафизически и элементарно намъ чуждъ. Въ томъ же направленіи говорилъ и другой голосъ сектантско-баптистскаго отѣнка. Онъ говорилъ: «Во имя чего намъ подходить къ вопросу о реформѣ Церкви? Во имя личности. А если такъ, то не надо ничего и реформировать, поднимать и исправлять какое-то упавшее учрежденіе. Не надо, потому что, гдѣ двое или трое собрались во Имя Его, тамъ и Онъ—безъ всякихъ реформъ и исправленій». Этотъ голосъ изъ той же категоріи голосовъ религіозныхъ индивидуалістовъ, для насъ неинтересныхъ и безплодныхъ. Въ противоположность имъ раздалось, правда недостаточно развитое, мнѣніе П. С. Аксенова о томъ, что природа христіанства—соціална. И когда кто-нибудь утверждаетъ, что для него безразличны соціалныя явленія съ христіанской точки зрѣнія—онъ не понимаетъ совсѣмъ христіанства. Столь рѣзко другъ другу противорѣчащіе подходы къ реформѣ Церкви должны быть урокомъ для общественнаго большинства, воображающаго, что въ этой области имѣтъ свое мнѣніе (въ обычномъ либеральномъ или радикальномъ тонѣ) элементарно просто. Оказывается, подобно всѣмъ другимъ великимъ философскимъ и соціальнымъ проблемамъ, и здѣсь необходимо себѣ выяснитъ основныя матеріальныя и методологическія предпосылки. Что такое христіанство и что такое Церковь?—объ этомъ твердыхъ понятій въ обществѣ почти не существуетъ.

Итакъ, въ конечномъ итогѣ отъ реформы русской церкви мы кое-чего ожидаемъ. Мы желаемъ для русской церкви максимума ея освобожденія отъ служебныхъ, узко понятыхъ національныхъ и правительственныхъ цѣлей. Что же произойдетъ съ момента этого освобожденія? По этому вопросу высказалъ свое мнѣніе проф. М. И. Туганъ-Барановскій. Онъ подслушалъ среди словъ нѣкоторыхъ ораторовъ совершенно безнадежное отношеніе къ возможности реформы православія. Онъ такъ формулировалъ мнѣніе, противъ котораго возражалъ: «Здѣсь раздаются голоса, что православіе не поддается никакимъ видоизмѣненіямъ, что оно вѣчно связано съ автократіей, связано не внѣшне, а внутренне. Слѣдовательно, и реформа не освободитъ его отъ этого, имманентнаго ему, принципа. Слѣдовательно, и объ освобождающей реформѣ говорить въ сущности невозможно. Это иллюзія. Единственный исходъ для реальныхъ преобразовательныхъ стремленій части церковнаго общества—быть готовымъ къ открытому расколу». Дѣйствительно, существуетъ мнѣніе, что въ результатѣ церковной реформы освободительнаго характера консервативные элементы церкви, стоящіе за старыи принципъ автократіи, не пойдутъ за реформой. Иліодоры, Гермогены, Антонін, Серафимы,—люди этого закала останутся на старыхъ позиціяхъ, въ расколѣ съ новымъ теченіемъ, идущимъ вслѣдъ за жизнью общественно-политической; что изъ новаго теченія составитъ покровительствуемое обновленной государственной властью большинство, господствующая Церковь, которая и вступитъ на умѣренно-либеральный путь. То и другое въ корнѣ отвергаетъ въ своемъ прогнозѣ М. И. Туганъ-Барановскій. Онъ убѣжденъ, что начало автократіи совершенно случайно связано съ православіемъ, что воплѣ мыслимы и фактически существуютъ православныя церкви безъ всякихъ

автократоровъ; что для раскола поэтому, въ случаѣ реформы Церкви, никакихъ основаній онъ не видитъ. Напротивъ онъ думаетъ, что, вслѣдствіе поднявшагося броженія освобожденныхъ силъ, произойдетъ глубокое внутреннее обновленіе православной Церкви. Въ приведенномъ мнѣніи ярко отражается почти всеобщее недоразумѣніе касательно часто здѣсь выдвигаемаго тезиса о связи православія съ самодержавіемъ. Нельзя же въ самомъ дѣлѣ предполагать, какъ это въ свое время допустилъ П. Н. Миллюковъ, что лицамъ, выдвигающимъ этотъ тезисъ, неизвѣстенъ простой позитивный фактъ, что есть рядъ православныхъ церквей, мирно соживающихъ съ государственными конституціями, иногда очень демократическаго типа. Болгарія, Сербія, Румынія, Греція, Австрія съ двумя православными автокефальными церквами—достаточный фактическій примѣръ для фактическаго же, позитивнаго доказательства, что православная Церковь существуетъ при конституціи, можетъ существовать и при республикѣ. Но дѣло не въ фактѣ, а въ идеалѣ, въ нормѣ, въ заданіи и призваніи православія. Д. С. Мережковскій, пространно разрабатывавшій идею связи православія съ самодержавіемъ въ формахъ литературно-художественныхъ, вѣроятно повиненъ въ томъ, что научно и прозой мыслящіе люди не могутъ до сихъ поръ понять главной сути этой его идеи. Чтобы не возникало впредь элементарныхъ недоразумѣній, подобныхъ вышеприведенному, необходимо твердо усвоить, что здѣсь дѣло идетъ не о случайностяхъ церковно-историческаго процесса, но о мистико-догматическомъ опытѣ православнаго церковнаго самосознанія. Провѣрить данную идею нельзя стороннимъ взглядомъ, скользящимъ по поверхности историческихъ фактовъ. Необходимо для этого ошутить самое сердце православія, подслушать его золотые сны. Не обѣдненное,

не обиженное исторіей православіе. а православіе въ его максимумѣ и разцвѣтѣ, дорожить самодержавіемъ, связью съ религіознымъ носителемъ власти государственной, съ Помазанникомъ - Кесаремъ; дорожить не въ силу только морально-бытового консерватизма, но въ силу того же инстинкта, въ силу той же потребности—религіозно владычествовать надъ міромъ, которыми и создалось и двигалось папство.—въ силу теократическихъ задачъ Церквп. Полное, живое Православіе въ той же мѣрѣ нецреліебимо теократично, въ какой оно истинно-церковно. Ибо теократія и Церковь—понятія неразлучимыя. Не теократическая церковь есть собственно не церковь. Теократія, какъ фактъ историческій, всѣмъ извѣстна. Это—папство и византійско-русскій цезаре-папизмъ. Но надо понять, что теократія въ идеѣ выходитъ изъ границъ этихъ фактовъ, что она есть внутренній паѳосъ церкви истинной; и что формы ея, идущія отъ историческаго прошлаго, не обязательны для ея будущаго раскрытія. Принявъ это во вниманіе, мы поймемъ, что, съ одной стороны русскую православную Церковь, конечно, можно внѣшними политическими реформами разлучить съ ея теократическимъ стилемъ, а съ другой—и то, что никакая внѣшняя разлука въ наиболѣе глубокихъ носителяхъ традиціоннаго православнаго самосознанія не убьетъ ни теократическихъ стремленій, ни тяготѣній къ самодержавію. Возможно не только создать въ Россіи Церковь конституціонную, какъ въ Греціи и Румыніи, но возможно и загуманить ея массовое и господствующее сознаніе. Исторія учитъ насъ, что помѣстныя церкви не только хирѣютъ, но и вымираютъ вмѣстѣ со своими старѣющими націями и культурами,—таковъ весь почти эллино-семитическій православный востокъ. Мы не знаемъ никакихъ гарантій противъ возможности изнеможенія церковнаго со-

знанія даже и въ великой, жизнеспособной изъ всѣхъ православныхъ церквей, — въ русской національной церкви. Но одно мы можемъ утверждать, что моментъ всеобщаго равнодушія въ нѣдрахъ русской церкви къ теократическимъ завѣтамъ прошлаго былъ бы знакомъ исторической сдачи ея въ архивъ дряхлаго востока. Такъ какъ мы этого не допускаемъ, то и продолжаемъ думать, что для русской Церкви связь православія съ самодержавіемъ для настоящей эпохи остается значительнымъ моментомъ въ ея теократическомъ сознаніи. Такимъ образомъ, нужно умѣть дорожить теократическимъ началомъ, не смущаясь несовершенствомъ, даже уродливостью его воплощеній. Инстинктъ церковныхъ черносотенцевъ, смѣшивающихъ принципъ съ историческимъ воплощеніемъ, неизмѣримо глубже, подлинно-церковнѣе, т. е. теократичнѣе, чѣмъ стремленіе церковныхъ либераловъ, смѣшпвающихъ освободительныя формы внѣшняго бытія церкви съ настоящимъ осуществленіемъ ея задачъ.

Я согласенъ съ той частью замѣчанія М. П. Туганъ-Барановскаго, что данныхъ для раскола въ русской церкви, политически освобожденной, дѣйствительно нѣтъ. Расколъ могъ бы произойти, если бы уже не было въ церковной массѣ той теплохладности, которая создалась въ ней послѣднимъ церковно-мертвымъ періодомъ русской исторіи. До конца XVII вѣка религіозныя движенія въ русской церкви задѣвали и потрясали весь церковный организмъ, но съ той поры, какъ расколъ старообрядчества унесъ изъ церкви наиболѣе могучія волны церковной энергіи, пульсъ ея общей жизни рѣзко и надолго палъ. Въ Церкви осталось все равнодушное, примиренческое, неспособное массовымъ образомъ реагировать ни на дѣятельность іерархическихъ верховъ, ни на вопросы, выдвигаемые совѣстью